

вообще начинается там, где в существах возникают половые различия. Пол определяет весь организм и душу, и тело.

Что такое пол? «Прежде всего, – точка, покрытая темнотой и ужасом, красотой и отвращением». Пол в человеке не функция, не орган, но всеобъемлющий принцип жизни. Смерть – это феномен потери пола, кастрация мира.

Пол для Розанова – это одновременно и теистическое, и космологическое жизнеполагающее начало. Розанов удивительно тонко подметил и целомудренно выразил антиномию пола: чем жестче запрет, тем сильнее страсть. И мировая культура, накапливая запреты, не устраняла половое влечение, а лишь рафинировала его; снять запреты – значит подорвать веками накопленную культуру отношений между мужчиной и женщиной.

Антиномия пола находит свое решение в браке. Здесь «пол теитизируется», то есть становится божественным. Связь пола с Богом для Розанова куда бесспорнее, чем связь ума с Богом. Ведь мир создан не только рационально, но и священо. Забыв об этом, «без света религии в таинственных завязях бытия своего человек неудержимо стал загнивать».

Мы изнутри похолодели – вот узел европейской цивилизации, наших философских дефектов и скорбей нашего дня. Как исцелиться от этого? Нужно освятить пол: и семья, пронизанная снизу доверху божественными лучами, станет, наконец, подлинной основой нашего существования. И если сегодня мы «культивируем ум», то точно так же мы должны и «можем культивировать пол».

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В. П. Степаненко

Уральский госуниверситет

Проблемы региональной культуры ранее изучало краеведение. С 80-х годов XIX века в России формируется широкое краеведческое движение, собираются коллекции, издаются труды и сообщения. В это время возникают многие из ныне существующих музеев и биб-

лиотек. Ситуация существенно не изменилась и в первые годы советской власти, когда вследствие закрытия храмов и национализации частных коллекций продолжали пополняться музейные фонды.

Но в 30-е годы краеведческие исследования сворачиваются и возобновляются лишь в середине 70-х. К этому времени многие реалии традиционной культуры населения были утрачены, пострадали музейные коллекции и библиотеки. Преемственность исследований также отсутствовала. В этих условиях возрождаются исследования истории краеведения и собранных ранее региональных коллекций, как, например, УОЛЕ, а также традиционной культуры Урала с выявлением местной специфики, а именно культуры населения горно-заводских поселений.

Одними из наиболее успешных в этой связи были и остаются работы археографической экспедиции исторического факультета университета, следствием которых стало не только создание фонда рукописей и старопечатных книг XVI–XX веков, но и активная публикаторская работа, в том числе и художественных памятников, преимущественно миниатюр и ранней печатной графики.

Позднейшим по времени стало изучение местной иконописи. Издание трех монументальных трудов авторскими коллективами, основу которых составили сотрудники университета, в известной степени дало возможность выявить специфику местного иконописания, констатируя довольно позднее время его появления – 2-я половина – конец XVIII века, выделив из продукции местных мастеров в так называемую невянскую школу группу стилистически сходных памятников.

С сожалением приходится констатировать, что выборка памятников, представленных в «Невянской» и в меньшей степени в «Уральской иконе» при всей ее репрезентативности имеет несколько случайный характер, так как ей по вполне объективным условиям не предшествовала каталогизация и публикация массового материала. В основу формирования иллюстративной части (и только ее) данных альбомов был положен не столько исторический, сколько художественный принцип: отбирались наиболее яркие и выразительные памятники даже в тех случаях, когда их принадлежность к так называемой Невьянской школе не всегда была документально доказана.

Стилистические же критерии при всей их значимости не всегда являются истиной в последней инстанции.

Действительно, работавшие в Невьянском заводе и вне его мастера обеспечивали своей продукцией значительную часть Среднего Урала. Но только ли они? Существуют ли четкие критерии выделения массовой продукции этих мастерских среди довольно значительного количества икон, бытующих на территории области? По публикациям известны и памятники Восточной Сибири из церквей и музеев Иркутска и Новосибирска. Но исследование их только началось. В том же состоянии и изучение поздней иконописи Перми, всего того, что последовало за Строгановскими письмами. Здесь также окончательные суждения и выводы могут быть сделаны лишь после публикации массового материала.

До сих пор нет четких критериев (а были ли они?) определения конфессиональной принадлежности художников – православных и старообрядцев. Причина в том, что в иконографии ряда икон, определяемых как продукция старообрядческих мастерских, новаций не меньше, чем в атрибутируемых как православные. В то же время стандартная массовая продукция, даже довольно высокого качества, основанная на безусловном следовании канону, воплощенному в прописях, не поддается подобному определению. В ряде случаев здесь могут помочь активно публикуемые в последнее время архивные данные (отчасти суммированные в каталожной части «Уральской иконы»), а также постепенно выявляемые подписные и датированные памятники типа «Богоматери Знамение» «Невьянского завода иконописца Феодора Малыганова» 1831 года.

На территории Урала бытовали и иконы мастерских Центральной России, те же мастерские и палехские. Они также нуждаются в определении и выведении за рамки местной иконописи. Существуют ли для этого четкие критерии при отсутствии сколь-нибудь авторитетных изданий продукции этих мастерских? Как нам представляется, пока нет.

Собрание Музея невянской иконы, фактически ставшего музеем икон, бытовавших на территории Урала, показало, что, за редчайшими исключениями, здесь присутствуют памятники среднего уровня и примитивы, качество которых, по-видимому, отвечало запросам

и финансовым возможностям столь же средних по социальной принадлежности покупателей. Уникальные по качеству храмовые и домовые образы естественно дошли до нас в несравненно меньшем количестве. К тому же храмы часто украшались привозной столичной продукцией академического стиля, весьма далекого от традиции.

В целом можно констатировать, что при всей значимости последних работ в сфере изучения локальных иконописных школ и направлений при отсутствии массового материала делать сколь-нибудь уверенные выводы преждевременно. Необходимо продолжать работы в архивах и по описанию, и по публикации памятников. Последнее облегчается тем, что вскоре должны начаться работы по каталогизации памятников в действующих церквях на территории области.